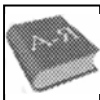

Обсуждаем статьи о функционализме

В. П. ФИЛАТОВ

Функциональный подход имеет длительную историю. Обычно отмечается, что понятия «функция», «функциональное отношение» в достаточно строгом смысле ввел Лейбниц в своих математических работах по дифференциальному исчислению. Однако эти термины стали использоваться в научных дисциплинах и в повседневной речи во многих значениях. Помимо этого, почти синонимично со словом «функция» используются такие термины, как «цель», «роль», «следствие» и т.п. Учитывая это, истоки функционального анализа в таком нестрогом смысле можно обнаружить уже в античности, прежде всего в известном учении Аристотеля о четырех причинах. Согласно ему, каждое явление обусловлено следующими видами причин: формальной, связанной с сущностью или структурой вещи, в силу которой она такова, какова есть; материальной, связанной с субстратом, веществом, в котором воплощается сущность; движущей (конкретной побудительной причиной), целевой, связанной с тем, «ради чего» происходит явление. Полное научное объяснение явления или события достигается тогда, когда удастся установить и объяснить все эти причины. Например, необходимо объяснить, почему хамелеон меняет цвет кожи, когда переползает с освещенного зеленого листа на темную ветку. Формальной причиной здесь будет суть хамелеона как живого существа, способного изменять цвет в зависимости от фона. Материальной причиной будет особая субстанция, вещество в его коже, которое изменяет ее цвет. Действующей причиной будет факт перемещения из светлого места в темное. Целевая причина изменения цвета – стремление сделаться незаметным для потенциальных хищников.

Широкое использование телеологических, по сути функциональных, объяснений Аристотелем связано с его интересом к различным проявлениям биологической целесообразности, которые он находил

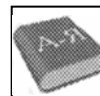

во взаимной приспособленности органов животных, развитие органических структур из семени, проявлениях целесообразно действующего инстинкта и т.п. В рамках стандартной истории науки обычно утверждается, что новый идеал механико-математической науки, связанный с именами Галилея, Декарта, Ньютона, решительно порвал с аристотелевским типом естествознания. Помимо прочего, в нем не осталось места объяснению, исходящему из «сущностей» и «целевых причин», что было заменено идеей «естественных законов» как причинных цепей, пронизывающей весь мир.

Между тем далеко не все ученые приняли этот идеал, продолжая следовать скорее старым схемам объяснения природных явлений в таких науках, как зоология, ботаника, физиология и др. Более того, публикация гуманистами естественно-научных произведений Аристотеля «оказала огромное влияние на развитие описательного естествознания; в то самое время как физика – и новые философы – боролись с ним и с его ролью в физике и философии, одновременно изучение его творений, в их новой, более точной, форме оказало огромное влияние на рост описательного естествознания»¹ Такие великие достижения натурализма XVII–XVIII веков, как объяснение У. Гарвеем кровообращения и функции в нем сердца, «естественные истории» К. Линнея и Ж. Бюффона, были далеки от механицизма и широко пользовались телеологическими схемами. Значение функциональных объяснений не столько подорвала, сколько прояснила теория эволюции Ч. Дарвина, о чем говорит ее влияние на возникновение функционализма в социологии (Г. Спенсер), в психологии и педагогике (У. Джемс, Дж. Дьюи).

В XX в. функционализм был осознан как весьма плодотворный подход в науках о живой природе и социально-гуманитарных дисциплинах, предназначенный объяснять изучаемые явления путем их включения в контекст охватывающих структур и связей. В классической работе «Явные и латентные функции» Р. Мертон выделил три главных принципа функционализма в социальном исследовании. Принцип функционального единства общества утверждает, что все части социальной системы работают совместно с достаточной внутренней согласованностью. Принцип универсального функционализма настаивает на том, что все стандартизированные социальные или культурные формы имеют позитивные, жизненно важные функции. Принцип необходимости полагает, что для выполнения социально значимой функции необходимы вполне определенные институты или же их функциональные эквиваленты.

С методологической точки зрения функционализм предстал как весьма разветвленный междисциплинарный подход, в котором различные науки (биология, социология, психология, этнография, лингвистика и др.) обменивались своими результатами, не вмешиваясь при этом во внутренние дела друг друга.

¹ В.И. Вернадский. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 224.

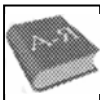
Популярности функционализма в науке, возможно, способствовало и то, что с 1920-х годов он стал одним из лидирующих направлений в архитектуре, а также стал распространяться и на предметный мир культуры (мебель, одежду, книжную графику и т.п.), формируя теорию и практику дизайна. Функция как основа эстетики формообразования в этой сфере отразилась в крылатая формуле: «Что хорошо функционирует, хорошо и выглядит».

Однако у функционального подхода есть не только сторонники, но и критики. Они обычно отмечают, что анализ явлений в понятиях целей и функций неизбежно придает функционализму антропоморфный характер. С точки зрения известного специалиста по проблемам объяснения К. Гемпеля, в биологии, например, этот подход, хотя и допустим, но должен рассматриваться как эвристический или предварительный этап исследования: «одной из причин устойчивости телеологических рассуждений в биологии является плодотворность телеологического подхода как эвристического: биологическое исследование, будучи психологически мотивировано телеологической ориентацией в плане поиска целей в природе, часто приводит к важным результатам, которые могут быть выражены с помощью нетелеологической терминологии и которые увеличивают наше научное знание причинных связей между биологическими явлениями»².

В функциональном типе объяснения, в отличие от дедуктивно-номологического, в качестве эксплананса выступают не законы, а некие категориальные схемы и картины реальности, предположительно представляющие сложный объект как целостную систему. Но откуда они берутся, не возникает ли здесь круга в объяснении: система определяет функции ее элементов, а сама системность может выявляться только в результате изучения ее элементов?

Р. Нозик считает, что такого рода объяснениям недостает «фундаментальности». «Хотя свойство *X* (цвет, температура и т.п.) объекта может быть объяснено как результат того, что он состоит из частей, обладающих определенным *X*-качеством (цвет в определенном спектре, средняя температура частей и т.п.) *само по себе X* (как отдельная сфера) не может быть объяснено или понято таким образом»³. Фундаментальными будут объяснения иного рода, например, в той области, которая интересует Р. Нозика, это объяснения определенных сфер политического или социального как возникающих из неполитических или несоциальных отношений. Функциональный анализ в социальных исследованиях нередко критикуется также за то, что он неизбежно связан с консервативной ценностной ориентацией.

² К.Г. Гемпель. Логика объяснения. М., 1998. С. 103. Невысокая оценка функциональных объяснений, впрочем, не помешала Гемпелю назвать

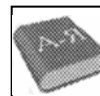

одну из самых известных своих работ «Функция рии».

³ Р. Нозик. Анархия, государство и утопия. М., 2008. С. 24.

В. Г. БОРЗЕНКОВ

Функция (от лат. *functio* - исполнение, осуществление) – понятие широкого междисциплинарного употребления. 1) В математическом смысле функция – зависимая переменная в так называемом «функциональном отношении» между переменными величинами, при котором каждому значению какой-либо определенной величины (аргумента, или независимой переменной) ставится в соответствие определенное значение другой величины (зависимой переменной, или функции). Такое соответствие может быть задано различными способами: формулой, графиком, таблицей и т.д. 2) В биологии и социальных науках (социология, этнография, культурология и др.) – роль, которую выполняют различные структуры и процессы в поддержании целостности и устойчивости тех систем, частями которых они являются. Например, функцией сердца является поддержание непрерывности движения крови по всем органам живого организма, снабжение их посредством этого кислородом и, тем самым, поддержание целостности и жизнеспособности этого организма; функцией университетов является подготовка специалистов в фундаментальных областях науки, сохранение и развитие интеллектуального потенциала общества, частью которых они являются. Такое понимание функции накладывает определенные ограничения как на класс систем, по отношению которым уместен сам «функциональный подход», так и на класс следствий или изменений, претерпеваемых их частями, которые могут быть квалифицированы в качестве именно «функции». Системы должны представлять собой не любые «комплексы взаимодействующих элементов» (такowymi являются и атом, и Солнечная система, и бесконечное множество других материальных тел и объектов), а быть способными в широком диапазоне вариаций внешних условий своего существования сохранять свою целостность, устойчивость и жизнеспособность благодаря наличию специальных структур (и процессов) поддержания своей упорядоченности. В свою очередь, функцией будет считаться не любое изменение любой части такой системы, а именно изменение такой специфической структуры, которое вносит вклад в сохранение и поддержание ее (системы) целостности. Иногда в литературе по методологии биологии такие системы называют органическими, органически-целостными, организованными или даже направленно-организованными системами. Главная философская трудность, порождаемая функциональными объяснениями (особенно в области естествознания), заключается в том, что фактически они всегда служат ответом не на каузальный вопрос «почему?», а на телеологический вопрос «для чего?». И до тех пор, пока этот вопрос и ответ на него связывались с необходимостью признания Творца природы (который, якобы, и сотворил все таким образом, чтобы

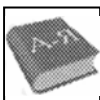
одно служило целью для другого), функциональные объяснения с трудом приживались в науке. Ситуация изменилась, когда Ч. Дарвин показал, что все функциональные (целесообразные) структуры и процессы в живых организмах могут быть истолкованы как причинно (каузально) обусловленные адаптации (приспособления), выработанные естественным отбором в процессе их исторической эволюции. Еще большую респектабельность приобрели функциональные объяснения после легализации кибернетикой всего набора телеологических понятий в качестве допустимых при научном объяснении строения и поведения весьма широко класса сложноорганизованных систем природы и общества.

В. Н. Порус

Функционализм — методологический подход к исследованию сложных, системно организованных объектов, согласно которому такие объекты понимаются как целостности, все элементы которых выполняют определенные взаимосогласованные функции; смысл этих функций определяется только по отношению к системе в целом. Такой подход позволяет исследовать языковые, культурные, социальные и психологические феномены на междисциплинарном уровне, снимая искусственные барьеры между различными дисциплинами социально-гуманитарного круга.

В социологии эта методология нашла наиболее явное выражение в «структурном функционализме» (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.), согласно которому постепенное преобразование социальных институтов, легитимирующих неформальные социальные практики, вызывается главным образом необходимостью их приспособления к изменяющимся экологическим и социальным условиям. В результате такой адаптации происходит дифференциация этих институтов, совершенствование их функций и, как следствие, усложнение всей социальной структуры, что отвечает объективным потребностям как индивидов, так и общества в целом.

Культурологический функционализм получил распространение и развитие в противовес «историцистской» методологии, объяснявшей социальные, культурные, психологические и языковые явления, подводя их под априорные унифицирующие схемы исторической эволюции, что часто противоречило реальным фактам. Так, концепция, опиравшаяся на тезисы о единстве человеческой культуры и стадийности ее развития от низших форм к высшим, а также о сходстве всех исторических культур на одинаковых стадиях эволюции (Л. Морган, Э. Тайлор), вела к выводу о совпадении основных культурных признаков и институтов, формирование и развитие которых проходило в разных географических условиях и в разные исторические периоды (например, проводились «параллели» между архаическими формами древнегреческих или римских институтов и институтами

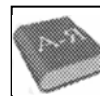

культур американских или африканских аборигенов), опровергавшемуся эмпирическими исследованиями этнологов и культурологов.

Б. Малиновский, Ф. Боас, А. Рэдклифф-Бр В. Н. ПОРУС и др. перенесли акцент на изучение реальных процессов, происходящих в конкретной культуре, с целью выявления их функционального смысла. Они исходили из того, что культура – рациональная форма организации и обеспечения жизнедеятельности человеческого общества и, стало быть, любое культурное явление может и должно рассматриваться с точки зрения его функции (роли в выполнении этой общей задачи и зависимости от других культурных явлений). Важнейшим понятием функциональной концепции культуры, по Малиновскому, является институт – «организованная, целенаправленная система человеческих усилий и достижений». Функционализм требует установления взаимосвязей между социальными и культурными институтами в различных сферах общественной жизни, а также между явлениями, относящимися к одному институту. Это обеспечивает, с одной стороны, научное понимание как институтов, так и отдельных культурных явлений, а с другой – целостное представление о культуре, выступающей как «инструментальная реальность, аппарат для удовлетворения фундаментальных потребностей, то есть для органического выживания, приспособления к окружающей среде и обеспечения непрерывности в биологическом смысле»⁴. Рассмотрение отдельных явлений и институтов в отвлечении от выполняемой ими функции признается научно несостоятельным, а практически – даже вредным. Например, оценка некоторых явлений примитивной культуры (таких как «охота за головами» или полигамия в семействе вождя племени) как «культурных пережитков» и следующее за этим вмешательство в жизнь примитивных племен с целью ее «улучшения» и «окультуривания» по европейским образцам могут привести к роковому для этих племен исходу, разрушая основы их существования.

Ориентация на конкретность и эмпиричность сообщает результатам функционально ориентированных антропологических и культурологических исследований ценность научных фактов. Но, парадоксальным образом, именно абсолютизация функционалистской установки ведет к тому, что, во-первых, социальные или психологические функции культурного явления, выясняемые в данном культурном контексте, отрываются от истории формирования и эволюции последнего,

а во-вторых, интерпретация явления часто бывает искусственной, «подогнанной» под намерение исследователя во что бы то ни стало определить функцию этого явления в культуре – даже если таковая функция утрачена (например, когда речь идет о тех же «культурных пережитках»). Осознавая, что теория культуры, игнорирующая историю, не может быть удовлетворительной, функционалисты должны были ответить на вопрос: как возможно соединение научной (то есть

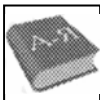

функциональной) методологии с исторической реконструкцией эволюции культуры?

Малиновский рассматривал функционализм как необходимое и важнейшее дополнение к историческому методу: «Противопоставление исторического и научного познания бессмысленно. Отрицание

⁴ Б. Малиновский. Избранное: Динамика культуры. М., 2004. С. 75. любого из них делает всякое гуманитарное исследование неполным»⁵. Историческая методология, лишенная опоры функционального анализа, превращается в спекуляцию и мифотворчество, выводя, например, происхождение и развитие культуры из «человеческой природы», неизменных психологических и биологических законов. Но и функциональный анализ, сосредоточенный только на синхроническом описании культурных явлений, беспомощен в объяснении динамики культуры. Формулирование «общих законов процесса развития культуры» необходимо и, следовательно, функциональный анализ должен быть диахроническим и исторически-контекстуальным. Его фундаментальные обобщения относятся к всеобщим условиям функционирования культуры: экономической организации, системе норм социального поведения и моральных принципов, политическому устройству общества и институтам социализации и образования. Преемственность функций этих «инструментальных императивов» обеспечивается знаниями, сохраняемыми и транслируемыми благодаря языку. С этим связана функциональная трактовка языка как семиотической системы, значения элементов которой (слов и выражений) определены не «физическими» (или какими-либо другими «внешними» по отношению к языку) свойствами обозначаемых объектов, а функциями этих слов, когда они связываются со своими референтами в «ситуативных контекстах».

Такая трактовка сближала культурологический функционализм с лингвистическим (К. Бюлер, Э. Сепир, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.С. Трубецкой, С.О. Карцевский, Р.О. Якобсон, Л. Блумфилд, О. Есперсен, Л. Ельмслев, Э. Бенвенист, А. Мартине и др.), рассматривавшим свойства языка преимущественно под углом зрения его познавательной и коммуникативной ролей, а также зависимости от характеристик когнитивной системы человека (в этом лингвистический функционализм – оппонент формально-структуралистской методологии, базирующейся на постулатах Ф. де Соссюра о произвольности знака и др., а также на идеях «генеративной грамматики» Н. Хомского). Функционалисты рассматривают грамматику языка как «кристаллизацию» речевой практики, зависимой от конкретных ситуаций, в которых действия сопровождаются речью. Их главная цель – объяснить языковые факты через установление их связей с контекстом широко понимаемой «культурной среды». Например, определяются такие функции языка как самовыражение говорящего (экспрессивная), аппеллятивная (обращение к слушающему), репре-

зентативная (сообщение сведений) (К. Бюлер), фатическая (обмен незначащими фразами ради установления желательной психологической атмосферы общения) (Б. Малиновский), метаязыковая (объяснение значений) и поэтическая (игра с языковой формой, имеющая эстетическую ценность). Каждая из этих функций зависит от «ситуативных контекстов» и определяется в их исслед

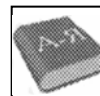
В. Н. ПОРУС

⁵ Там же. С. 54.

Основные требования лингвистического функционализма: текст должен быть понят и определен как явление человеческой деятельности, коммуникации и познания; его смысл и функции находятся под влиянием знаний, интенций и действий коммуникантов, их компетенции и социальных стереотипов, отраженных в словарных структурах; анализ текстов не может быть подчинен некой априорной схеме или единому алгоритму, превращающему их в формальные конфигурации символов; напротив, методология лингвистического анализа постоянно обогащается и расширяется за счет изучения реальных (а не искусственно «изобретенных») текстов и высказываний (Р. де Богранд). Таким образом, лингвистический функционализм предполагает анализ не столько языкового материала как такового, сколько факторов, определяющих его порождение и восприятие, его роль в социальной и коммуникативной ситуации, его место в культуре как аккумуляции социального знания. Системы коммуникативной деятельности рассматриваются относительно независимо от формальных структур языка; более того, установление внутренних регулярностей этих систем могут оказывать позитивное воздействие на тексты, улучшая их восприятие.

«Контекстуалистская» и «холистская» установки, общие для лингвистического и культурологического функционализма, ведут и к общим затруднениям. Так, Малиновский исходил из того, что любая культурная форма не имеет смысла вне контекста данной культуры. Это означало, что нет и не может быть универсальных функциональных объяснений культурных явлений, что плохо согласовалось с его же тезисом о существовании общих законов «динамики культурных изменений». Подобно этому, в лингвистическом функционализме нет удовлетворительного объяснения тому факту, что одни и те же функции в различных языках выполняются различными языковыми формами. В поисках выхода из таких трудностей функционалисты (Р. Якобсон и др.) пытались объединить некоторые понятия функциональной и структуралистской лингвистики (например, определяя фонему как совокупность звуков, идентичных друг другу с точки зрения их функции в языке).

Функционализм в психологии восходит к идеям У. Джеймса о сознании как психической функции, имеющей биологическую полезность, и Дж. Дьюи, который полагал органичное единство сенсорных, центральных и моторных звеньев рефлекторного акта, осуществляющего приспособление индивида к среде. Психологи-функционалисты

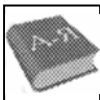
(Г. Лэдд, Д. Энджелл, Г. Карр, Дж. Г. Мид, Р. Вудвортс, Э. Клапаред, Н.Н. Ланге) рассматривали сознание с точки зрения его функций, выполнение которых обеспечивает приспособление организма к окружающей среде. Психологический функционализм так же, как лингвистический, оппонировал структурно-формальным подходам (В. Вундт, Э. Титченер), акцентировавшим изучение структурных элементов сознания, и был близок инструменталистским методологическим идеям. Значительный вклад в развитие функциональных психологических исследований сделан российскими психологами (Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев и др.), которые рассматривали функционализм как часть методологии системного анализа психики, преодолевая ограниченность его позитивистских интерпретаций.

Идеи функционализма получили специфическое преломление в теории и практике технического проектирования и конструирования, дизайна, архитектуры (Ле Корбюзье, В. Гропиус, Т. ван Дусбург, Б. Таут, Г. Хёринг, Л. Веснин, М. Гинзбург и др.).

А.А. ВЕРЕТЕННИКОВ

Функционализм в современной философии сознания – общая установка на объяснение психических явлений в терминах их функциональных или каузальных ролей. Функционализм предполагает аналогию между работой различных искусственных устройств и состояниями сознания. То, что делает часы часами, не является их физическим воплощением, их размером, цветом или материалом из которого они сделаны, но определяется той ролью, которую они выполняют, то есть отсчетом времени. Соответственно, различные организмы, такие как организм человека, бегемота, осьминога или марсианина могут находиться в одном функциональном состоянии, например, таком, как боль, не обладая при этом сходным строением.

Классической версией функционализма в философии сознания является «машинный функционализм» Х. Патнэма. Машинный функционализм предполагает, что состояния сознания должны объясняться по аналогии с состояниями «машины Тьюринга», т.е. с функциональными состояниями. Машина Тьюринга представляет собой бесконечную ленту, разделенную на фрагменты, и сканирующее устройство любого типа, прочитывающее один блок ленты за одну итерацию. Каждый фрагмент либо заполнен, либо пуст. Это входные данные. Выходными данными являются действия: либо остановка, либо продолжение чтения, либо стирание заполненного фрагмента ленты, либо стирание фрагмента ленты и печать. В каждый момент времени после начала работы машина находится в одном из указанных состояний. Каждое из состояний определяется по отношению к входным или выходным данным, а также по отношению к другим состояниям машины, безотносительно к тому, из чего сделана лента и каково устройство сканирующей головки.

В качестве исторически следующей за машинным функционализмом теории выделяют каузальный или теоретический функционализм Д. Льюиса. В рамках этой разновидности функционализма речь идет о семантике теоретических терминов. Теоретические термины имплицитно определяются теориями, в которых они используются, а не их фонетическими свойствами или написанием. Например, «вера», «желание» и другие термины («народной психологии» А. А. ВЕРЕТЕННИКОВ повседневных представлений о психике) обладают значением только в ее рамках. Важной частью каузального функционализма является техника элиминации теоретических терминов Рамсея-Льюиса. Результаты анализа являются предложения наподобие: «психическое состояние М следует за состоянием Р и является причиной Q». Это предложение сформулировано в терминах каузальных отношений так, что понятия взаимно определяются без круга в определении. Следствием этого является определение ментальных состояний в терминах физических, причем классы психологических состояний отличаются друг от друга.

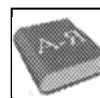
Подход, предложенный в разных версиях Д. Деннетом и Дж. Кимом, иногда называют «функционализмом центрального состояния». В его рамках предполагается, что состояния сознания зависят, но не сводятся к состояниям физического носителя, являются «супервентными» по отношению к физическим состояниям. Кроме того, постулируется супервентность между более сложными и более простыми состояниями сознания и, как следствие, иерархия все более и более простых сознаний вплоть до групп нейронов. Эта точка зрения позволила Д. Деннету связать функционализм с эволюционной теорией и описать эволюционное развитие сознания от простых «сознаний» существ наподобие амебы до сознания человека.

Психофункционализм (Дж. Фодор) представляет собой переходную дисциплину между философией сознания и когнитивной психологией. Функциональные состояния считаются таковыми только в том случае, если они служат чему-либо или обладают некоторой целью.

В рамках данного подхода функция психических состояний состоит в том, чтобы вызывать некоторое поведение, и именно она считается основой научного объяснения в психологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Р. Мертон. Явные и латентные функции // Р. Мертон. Социальная теория и социальная структура. М., 2006; Б. Малиновский. Избранное: Динамика культуры. М., 2004; Х. Патнэм Философия сознания. М., 1999; С. Прист. Теория сознания. М., 2000; Д. Деннет Виды психики. М., 2004; В.А. Звегинцев. Функция и цель в лингвистической теории // В.А. Звегинцев. Мысли о лингвистике. М., 1996; А.А. Кибрик, В.А. Плунгян. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997; В.Е. Беспалов, Л.В. Сальников. Введение в функционалистику. Свердловск, 1991; A.R. Radcliffe-Brown. Structure and Function in Primitive Society. L.,

1952; Raymond Firth (ed.). *Man and Culture: An Evolution of the Work of Bronislaw Malinowski*. N.Y., 1964.